

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Николашина Вадима Павловича «Советские аграрные преобразования в губерниях Чернозёмного центра 1917-1918 гг.», представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Тема диссертации В.П. Николашина характеризуется высокой степенью актуальности. К комментарию самого соискателя, объясняющего это «необходимостью изучения исторического опыта осуществления преобразований в сельском хозяйстве России, особенно на региональном уровне, поскольку Россия – это федерация с огромным многообразием территорий и населяющих их народов» (с. 9), я бы добавил следующее соображение. Любое аграрно-историческое исследование, имеющее отношение к нашей стране, отличается особой актуальностью уже само по себе. Это напрямую связано с известной недооценкой аграрно-крестьянских проблем, которая складывалась в отечественной общественной науке на протяжении всего «короткого XX века», т.е. после 1917 г. и приблизительно до середины 1990-х гг. Объяснение следует искать в практически безраздельном господстве теории прогресса как методологии исторического исследования, которая всегда исходила и продолжает исходить из первостепенности городских сюжетов – экономических, социальных, культурных. Крестьянство считалось чем-то второстепенным, лубочным, принадлежащим тем эпохам, которые ушли в историю безвозвратно. Не обошло это и советскую историографию.

Диссертант корректно отмечает это в историографическом параграфе первой главы применительно к теме своего исследования, подчёркивая, что публикации 1920-х годов отличала высокая степень революционной целесообразности, и многие из них укладывались в канву идеологической подготовки осуществления партийной линии на коллективизацию

крестьянского хозяйства. Верно отмечено и то, как в последующие периоды развития отечественной историографии эволюционировала идеологическая составляющая исследований по истории реализации социалистического законодательства большевиков в первые годы Советской власти. Об одном из пиков этого процесса В.П. Николашин пишет буквально следующее: «1970-е гг. – это период роста роли идеологии в историографии аграрных преобразований начального советского периода. Но, несмотря на масштабное влияние советского государства на исторические исследования, в этот период выходит ряд капитальных трудов по изучаемой проблематике Э.М. Щагина, Г.А. Герасименко, Л.М. Кузнецовой, В.И. Кострикина, В.П. Данилова и др., которые не утратили своей научной значимости и для современных исследователей истории аграрного реформирования советской деревни в 1917-1918 гг.» (с. 34).

Они и не могли утратить свою научную значимость по той простой причине, что речь идёт о трудах профессионалов-аграрников очень высокого уровня, чьи исторические труды отличает капитальная фактология. И это именно то, что не позволяет втиснуть опубликованную историческую фактуру в ту или иную идеологическую модель прогресса – вне зависимости от того, какую из сторон многогранных и многообразных аграрных отношений интересующего нас здесь периода раскрывают исследования перечисленных и других историков-соотечественников. В этом я вижу и особую актуальность рецензируемой диссертации. Обобщения, выводы, выносимые на защиту положения – это всё второстепенно. А вот изученные факты по реализации большевистского аграрного законодательства в начальный период существования Советской власти – другое дело. К примеру, я могу сколько угодно не соглашаться с теми или иными из утверждений соискателя, которые прописаны на страницах диссертации. Но если они подкреплены исследованными фактами истории аграрных преобразований в регионе – а это так, – то и многочисленные публикации соискателя по диссертации, и сам её текст не должны утрачивать свою научную значимость. Повторюсь, всё это мне представляется особо актуальным, поскольку касается фактов нашей аграрной

истории, которые теория прогресса (в обеих её ипостасях, будь то советский научный коммунизм или современный рыночный либерализм) всегда стремилась оставить где-то на обочине столбовой дороги исторического познания.

Объектом рецензируемого исследования является разработка в разных партийных программах аграрных преобразований в стране в целом и их и реализация в губерниях Чернозёмного центра в 1917-1918 гг. партиями, возобладавшими в борьбе за политическую власть, а также другие политические процессы в городе и, главным образом, социально-экономические процессы в деревне. Всё это исследуется на предмет раскрытия сущности советских аграрных реформ, их конкретного воздействия на процессы социально-экономических и общественно-политических изменений в чернозёмной деревне в 1917-1918 гг., на формы революционной активности местного крестьянства, характер взаимоотношений между разными социальными слоями его. Показывая все эти важные исторические моменты, автор также стремится разобраться в механизмах взаимодействия различных социальных институтов и органов власти в процессе осуществления аграрного реформирования.

Обоснованным представляется выбор региона исследования – губернии Чернозёмного центра России. Ведь автор неоднократно подчёркивает, что речь в исследовании ведётся об определённом и весьма важном этапе «общинной революции». Как подчёркивал один из крупнейших специалистов по проблематике российской поземельной общины К.Р. Качоровский, на территории громадной империи можно было встретить все формы общины – от умирающей до находящейся в состоянии расцвета и ещё только зарождающейся. Это было зафиксировано в его классическом труде «Русская община» (СПб., 1900. Т. 1. С. 88-89) на основе исследования колоссального документального материала применительно к данному крестьянскому институту на рубеже позапрошлого и прошлого столетий. Однако региональная специфика общины к 1917-1918 гг. лишь усилилась в силу развивавшихся

процессов крестьянской революции, в частности, в силу той самой «архаизации» крестьянской деревни, на которую диссертант правильно указывает, ссылаясь на работы М.Л. Левина. Крестьянская община Центрального Черноземья отличалась целым рядом важных характеристик, позволивших ей стать к 1917 г. эпицентром «аграрных беспорядков» (каковым на первом пике крестьянской революции в России в 1905 г. по праву следует считать Поволжье). Какие-то из этих характеристик автор исследования улавливает и описывает на имеющемся в его распоряжении документальном и историографическом материале, что вполне уместно для решения основных задач диссертации.

Хронологию исследования также можно считать вполне логичной. Она даёт возможность автору сосредоточить внимание на первоначальной фазе осуществления советским государством аграрного законодательства как главной линии внутренней политики. Правда, глава 2 «Крестьянский вопрос и попытки его решения в аграрных программах политических партий и практической деятельности Советской власти в 1917 г.» самой своей постановкой проблемы несколько выходит за рамки данной хронологии, и параграф 2.1 «Аграрно-крестьянский вопрос как комплексная социально-экономическая проблема развития России в начале XX в.» содержит материал, хронологически относящийся к предшествующим полутора десятилетиям. Это можно было бы считать обоснованным в данном контексте, хотя, с моей точки зрения, эта фундаментальная историческая и методологическая проблема на сегодняшний день разработана в отечественной аграрной историографии более тщательно и всесторонне, в большем количестве диалектических взаимосвязей, чем отразил материал, включённый диссертантом в этот параграф.

А вот в параграфе 2.2 «Аграрные программы политических партий» автор резонно сосредоточивает своё внимание на том бурном 1917 г., в который партийно-политическая борьба по аграрному вопросу приобретает в России особую остроту. И хотя, строго говоря, хронологически тема диссертации относится нижней рамкой к ноябрю 1917 г., когда советское государство,

собственно, и приступает к осуществлению своей аграрной политики, без отдельного рассмотрения того, что представлял собою на тот момент аграрный вопрос в теории и политике, текст диссертации, наверное, несколько проиграл бы. По вопросу о разработке и утверждении «Основного закона о социализации земли» (§ 2.3) мнение автора парадоксальным образом совпадает с тем, как это освещалось специалистами в советский период развития нашей историографии и, в то же время, с теми обобщениями, которые содержатся на этот счёт в современных постсоветских учебниках истории.

В главах 3 и 4 рассмотрены такие вопросы, как взаимодействие власти и крестьянства в вопросах землеустройства; особенности советских аграрных преобразований в чернозёмных губерниях и их влияние на внутридеревенские социальные отношения; создание коммун, артелей и советских хозяйств (совхозов). Диссертант делает это на основе привлечения материалов областных архивов, многие документы вводятся в научный оборот впервые. Таким образом, структура диссертации выглядит логичной, поставленная цель в общем достигнута посредством решения основных задач исследования на прочной источниковой и документальной основе и на хорошем профессиональном уровне работы с историческими источниками. Все приведённые выше соображения позволяют сделать общий вывод по рецензируемому историческому исследованию, вполне благоприятный для его автора. Однако, прежде чем сформулировать этот вывод, коснусь некоторых из тех замечаний, которые возникли у меня по ходу чтения работы, что, надеюсь, как-то поможет её автору в дальнейшей работе по изучению отечественной истории. Ограничусь замечаниями по методологии и историографии работы.

1. Диссертант неоднократно провозглашает свою приверженность теории модернизации. Я бы рекомендовал не быть столь поспешным и категоричным, поскольку то, что я цитировал выше в этом тексте о 1970-х как периоде «роста идеологии в историографии», вполне применимо и к нынешнему времени. Просто в области идеологии одна из форм теории прогресса/модерна в одночасье сменилась на другую. Вот автор резонно ссылается на работу

английского историка-социолога Теодора Шанина «Четыре с половиной аграрных программы В.И. Ленина». А ведь Шанин как один из основоположников теоретической концепции «крестьянской революции в России 1902-1922 гг.» всю жизнь был последовательным и непримиримым врагом теории прогресса/модернизации. Его обязывал к этому главный предмет его научного интереса: история аграрных отношений в России в XX веке. Критикуя прогрессистскую методологию, он в одной из своих работ писал об удивительной красоте и элегантности мировоззренческой модели модерна. «У этой модели, – продолжал учёный, – есть один недостаток: она неправильно отражает суть мироздания» (Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. С. 110). В другой своей большой работе Т. Шанин не без сарказма объясняет, каким образом в российском обществоведении в 1990-е гг. вчерашние адепты научного коммунизма столь скоро превратились в убеждённых сторонников рыночного либерализма: «Не случаен быстрый переход многих русских обществоведов из ярых марксо-прогрессистов в не менее завязанные рыночно-прогрессисты сегодняшнего дня» (Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 – 1917-1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 17). К сожалению, я не нашёл в тексте диссертации ни ссылок на эти работы Шанина, ни ссылок на то, что В.П. Данилов, чьи труды, естественно, нашли отражение в историографической главе, всецело поддерживал тот методологический подход, что революция 1902-1922 гг. в России была крестьянской по своему характеру. В этой связи я посоветовал бы соискателю ознакомиться с содержанием моей статьи «Русская революция в контексте крестьяноведения» (Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 97-107). Там обо всём этом повествуется в подробностях, и становится лучше понятно, что выбирать нужно что-нибудь одно: либо крестьяноведение, либо модернизация.

2. Не раз встречается в рецензируемом тексте и оборот «общинная революция», однако нет указания на то, что это за понятие такое и кто из коллег-историков вводит это понятие в научный оборот. Здесь необходимо поработать

аграрной, социальной истории России, исторической социологии, развития научной полемики о роли большевиков в отечественной истории XX века, при составлении учебных материалов для преподавания истории России в школе и вузе.

Диссертант представил завершённую, имеющую внутреннее единство, самостоятельную научно-квалификационную работу, в которой решена исследовательская проблема, имеющая значение для развития отечественной историографии в области исследования истории аграрных отношений в России в XX веке. Диссертация содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Предложенные диссертантом решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями.

Диссертация Николашина Вадима Павловича «Советские аграрные преобразования в губерниях Чернозёмного центра 1917-1918 гг.» соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении учёных степеней, а соискатель, Николашин Вадим Павлович, заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры политико-правовых
дисциплин и социальных коммуникаций Института
экономики, математики и информационных
технологий (Институт ЭМИТ) Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

Бабашкин Владимир Валентинович

Подпись профессора Бабашкина В.В. заверяю
Учёный секретарь РАНХиГС К.К. Бондарев

20 мая 2020 г.

Бабашкин Владимир Валентинович, тел.: +7-915-350-0325; (499) 270-2977; e-mail: vbabashkin@ranepa.ru ; BabashkinVV@outlook.com . Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Адрес: 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82.